О переводе Е.П.Блаватской второй части романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда»

Чарльз Диккенс, один из крупнейших писателей XIX века, не успел завершить свой последний роман «Тайна Эдвина Друда» («The Mystery of Edwin Drood»). Сочинение должно было выйти в двенадцати ежемесячных выпусках журнала «All the Year Round», но на момент смерти Диккенса (9 июня 1870 года) было опубликовано только три выпуска, позже были изданы еще три, найденные в рукописях. Таким образом, английский прозаик успел написать половину романа. Читателям и критикам оставалось только гадать, как развернулся бы далее драматический детективный сюжет. С тех пор литературоведы и любители-диккенсоведы предлагали множество версий окончания романа.

Подлинное продолжение «Тайны Эдвина Друда» появилось на свет самым удивительным образом, причем всего через три года после смерти классика мировой литературы. Как гласил подзаголовок этого издания, вторая часть романа была «окончена духом Ч.Диккенса посредством медиума Т.П.Джеймса[1]». Интересно, что читатели получили не низкопробный опус рядового психиста, а замечательное художественное произведение, имеющее отличительные черты диккенсовского стиля. По всей видимости, к его созданию были причастны Учителя Востока. Поэтому это *событие* можно назвать *метаисторическим*[2].

Еще одним *метаисторическим событием* явились публичные демонстрации уникальных феноменов на ферме братьев Эдди[3] в Читтендене. Об этих феноменах подробно рассказал всему миру Генри Олькотт[4] в 1874–1875 годах, сперва в двадцати очерках в американской газете «The Daily Graphic»[5], а затем в книге «Люди с того света»[6]. Осенью 1874 года вместе с Олькоттом на этой ферме побывала и Елена Петровна Блаватская. Она видела многих материализовавшихся «людей», среди которых были ее знакомые и близкий родственник[7]. Елена Петровна перевела на русских язык очерки Олькотта и попыталась их опубликовать в России, но ей это не удалось.

---

[1] Томас Пауэр Джеймс (Thomas Power James, ок. 1837 – после 1889) – американский типографский рабочий, репортер, издатель, медиум.

[2] См.: *Шапошникова Л.В.* Метаистория. Особенности метаисторического процесса // *Шапошникова Л.В.* Земное творчество космической эволюции. М., 2011. С. 200–209.

[3] Горацио (1842–1922) и Уильям (1838–1932) Эдди – американские медиумы.

[4] Генри Стил Олькотт (1832–1907) – американский юрист, журналист, писатель, издатель, один из основателей и первый президент Теософского общества.

[5] «…Эти письма [очерки] содержат в себе подробный отчет о более чем пятидесяти сеансах у братьев Эдди и описывают около четырехсот духов или призраков, которые голословно уверяют нас, будто бы они материализованные двойники живших на земле особ обоего пола. Призраки эти, большей частью признаваемые посетителями за умерших родственников, были все до одного различно одеты и различных наружностей, ростов, национальностей и видов. Они плясали, курили, фехтовали, пели, играли на различных инструментах, писали зрителям собственноручные послания каждый своим почерком и совершали самые удивительные подвиги, даже для бесплотных духов. <…> Тут дело шло уже не о простом стучании столов и мебели или о разговорах с *невидимыми* собеседниками: люди, известные стране своим высоким положением, правдивостью и честностью, серьезно рассказывали, что они *видали* и *узнавали* своих давно усопших друзей, знакомых и родных; что эти обитатели другого таинственного мира формировались на их глазах – в присутствии нескольких десятков свидетелей – из *воздуха*, из *ничего*, появляясь перед ними через несколько минут так же живо и ясно, как и при жизни своей, дотрагиваясь до них *теплыми* руками и прижимая земных друзей своих к своим временно бьющимся сердцам с той же горячностью, натуральностью и живостью, как и до минуты смерти их; что все жесты этих минутных посетителей, манера говорить и даже голос ничем не разнились против манеры выражаться и голоса каждого из них при жизни; что сотни живых посетителей Эдди привлекали сотни же посетителей, умерших на земле, но, как видно, все еще живущих *где-то* в мире невидимом для смертных; являлись же эти духи в своей обычной одежде, не в традиционных саванах, а в ежедневном своем виде, столь знакомом каждому из родных или друзей усопших посетителей» (*Блаватская Е.П.* Предисловие к переводу книги Г.Олькотта «Люди с того света»).

[6] См.: *Olcott G.S.* People from the Other World. Harford, Conn., 1875.

[7] См.: «…Я оставалась у Эдди четырнадцать дней. За этот короткий промежуток времени я видела и вполне узнала семь духов из 119. Признаюсь, я была единственной, кто узнал их, остальная часть публики не была в моих многочисленных путешествиях по Востоку, но разнообразная одежда и костюмы духов были ясно видны и внимательно изучены всеми» (*Blavatsky H.P.* Marvellous Spirit Manifestations // The Daily Graphic, October 30, 1874 (*Блаватская Е.П.* Удивительные духовные манифестации // The Daily Graphic, 1874, 30 октября)).

Только Н.П.Вагнер[8] использовал отдельные фрагменты из этого перевода в своей статье «Медиумизм»[9]. Как и в случае с завершением книги Ч.Диккенса, поразительные феномены братьев Эдди[10] не могли бы осуществиться без участия Учителей Востока, которые таким образом стремились утвердить людей в реальности Иного мира и расширить их материалистические представления. «Кто посмеет ручаться, что… спиритуалистические явления не были посланы нам свыше» и что некие «тайные силы природы не помогали» формироваться «таинственным фигурам-призракам, посетившим нас из-за далеких берегов темной реки смерти» – так заявляли Блаватская и Олькотт[11].

В это же время произошло следующее важное *метаисторическое событие* с далеко идущими последствиями – основание Е.П.Блаватской в Нью-Йорке по Указанию и при Помощи Махатм 17 ноября 1875 года Теософского общества[12]. Именно Елена Петровна «была Великим Духом, принявшим на себя тяжкое Поручение» – с помощью этого Общества «дать сдвиг сознанию человечества, запутавшегося в мертвых тенетах догм и устремлявшегося *в тупик атеизма*»[13]. «Подвиг ее был велик: одинокая, всеми преследуемая, всеми и во всем подозреваемая, без средств, без знания языка прибыла она в Америку, чтобы явить миру прекраснейшее Сокровенное Учение, дать впервые религиозно-философский синтез всех веков и народов, создать международный Братский Союз, дать величайшее счастье знания о существовании Великих Хранителей и Водителей нашего человечества и пути к Ним»[14].

В том же году в другом полушарии также случилось *метаисторическое событие* – молодой философ Владимир Сергеевич Соловьев во время заграничной научной командировки начал получать сообщения от Высокой Сущности под именем Софии Премудрости Божией. Он до конца жизни «был прочно связан с Высшим Инобытием и был ведом им во всех областях своей творческой жизни»[15]. По всей видимости, он сотрудничал с той же группой Космических Иерархов, что Е.П.Блаватская и семья Рерихов. Созданная Вл. Соловьевым теория всеединства говорила нерасторжимой целостности элементов бытия всех уровней: космического, планетарного и социального. Сотрудники Теософского общества попытались реализовать в общепланетарном масштабе идею всемирного братства, провозглашенную в уставе этого общества. Соловьев стремился в Индию, где с 1879 года проживала Блаватская, приехавшая туда по Указанию Великих Учителей. «Я думаю, что ты должен непременно ехать в Индию. Я думаю, что ты начнешь там свое дело»[16], – получил философ Указание от Софии в 1880 году, которое он не смог воплотить в жизнь. И встреча двух Вестников космической эволюции[17] Е.П.Блаватской и В.С.Соловьева не состоялась[18].

---

[8] Николай Петрович Вагнер (1829–1907) – зоолог, профессор Санкт-Петербургского университета, писатель, один из лидеров российского движения экспериментального спиритизма.

[9] См.: Русский вестник, 1875, №10.

[10] К примеру, Г.Олькотт назвал Уильяма Эдди «величайшим медиумом своего века» (*Olcott G.S.* People from the Other World. Harford, Conn., 1875. P. 128).

[11] *Блаватская Е.П.* Перевод книги Г.Олькотта «Люди с того света» // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html.

[12] См. записи Е.П.Блаватской: «[Учитель] М. дает Указание основать общество – тайное общество, подобное ложе розенкрейцеров. Он обещает помочь» (1875); «Указания, полученные из Индии, предписывают основать философско-религиозное общество и выбрать для него название, также привлечь Олькотта. Июль 1875 года» (*Blavatsky H.P.* Collected Writings. 15 vols. Vol. I. Wheaton, Madras, London, 1988. P. 73, 94 (*Блаватская Е.П.* Собрание сочинений. В 15 т. Т. I. Уитон, Мадрас, Лондон, 1988. С. 73, 94)).

[13] *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. II (1934). М., 2013. С. 367.

[14] *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. VII (1940–1947 гг.). М., 2007. С. 234.

[15] *Шапошникова Л.В.* Тернистый путь Красоты. М., 2000. С. 153.

[16] *Козырев А.П.* Мистика в цепях разума: Автоматические записи Вл. Соловьева // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева. М., 2018. С. 150.

[17] См.: *Шапошникова Л.В.* Вестники Космической эволюции. В 2 т. М., 2012.

[18] См.: «И американская я гражданка, и буддистка, а не быть мне ничем как русской, чисто русской сердцем до смерти моей!». Три письма Е.П.Блаватской А.Н.Аксакову (1881–1886) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html.

* * *

Информацию о том, что в американском городе Братлборо создается продолжение романа «Тайна Эдвина Друда», предоставили во второй половине 1873 года газеты Старого и Нового Света[19], в том числе и спиритуалистические издания – «Banner of Light» (Бостон) и «The Spiritualist» (Лондон). А.Н.Аксаков, один из основоположников научных исследований парапсихологических явлений в России[20], процитировал некоторые из этих сообщений в своей книге «Анимизм и спиритизм» (1893):

«…Я приведу для примера другое медиумическое произведение, личный характер которого не объяснит никакое ясновидение; я говорю о романа Чарльза Диккенса “Эдвин Друд”, оставленном автором неоконченным и законченном рукою медиума Дже[й]мса, молодым человеком без образования. Свидетели видели способ происхождения этого сочинения, и компетентные судьи высказались о литературном достоинстве его содержания. Я войду в некоторые подробности об этом единичном в летописях спиритизма произведении. Когда распространился слух, что роман Диккенса дописывается таким необычайным способом, газета “Springfield Daily Union” отправила своего корреспондента в Братлборо (в штате Вермонт)[21], где проживал медиум, чтобы разузнать на месте обо всех подробностях; я приведу здесь несколько выдержек из его отчета, напечатанного на восьми столбцах в № от 26 июля 1873 г. названной газеты[22] и перепечатанного в “Banner of Light”[23], а затем отчасти и в “Спиритуалисте” 1873 г., с. 322[24], откуда мы их и заимствуем.

Т.П.Джеймс

Вот что говорится о самом медиуме: “Он родился в Бостоне, и на четырнадцатом году стал обучаться механическому мастерству, которым занимается и по настоящее время, так что его

[19] Петербургская «Вечерняя газета» также отметила этот факт, неверно назвав имя медиума: «В Англии, как известно, уже оставлена мысль окончить посмертный роман Чарльза Диккенса “Эдвин Друд”, но в Америке, именно в городе Братлборо, нашлось лицо, которое берет на себя [обязательство] завершить творение. Впрочем, издатель, понимающий, конечно, что доканчивать начатое Диккенсом нелегко, спешит предуведомить публику, что сочинять будет, собственно, *сам Диккенс*, который передает только чрез посредство одного известного медиума свои измышления сюда, на землю. Имя секретаря, избранного таким образом Диккенсом, *Гилль*. Дальнейшие подробности обо всей таинственной процедуре помещены в корреспонденции из Братлборо, напечатанной в спрингфилдском “Республиканце”. Замечательнее всего то, что *сказанный г. Гилль никогда не читал начатого Диккенсом романа*, – так заверяет, по крайней мере, издатель, обещающий выдать “вторую часть “Эдвина Друда”” в половине сентября месяца» (Окончание посмертного романа Диккенса // Вечерняя газета, 1873, №212, 11 августа).

[20] Александр Николаевич Аксаков (1832–1903) – писатель, переводчик, издатель, пропагандист идей спиритуализма.

[21] Братлборо находится в 85 км от Спрингфилда и в 130 км от Бостона.

[22] См.: A Literary Sensation. «Edwin Drood» No Longer a Mystery // Springfield Daily Union, July 26, 1873. P. 4–5 (Литературная сенсация. «Эдвин Друд» больше не тайна // Springfield Daily Union, 1873, 26 июля. С. 4–5).

[23] Banner of Light, 1873, 9 августа. С. 1, 8.

[24] The Spiritualist, 1873, 15 сентября. С. 322–326.

школьное образование закончилось, когда ему было тринадцать лет. Не будучи нисколько неграмотным или непонятливым, он, однако, не имел никакого расположения к литературным занятиям и до этого никогда им не предавался – даже ни разу не пытался поместить в газете хоть какую-либо статейку. Таков человек, который взялся за перо Чарльза Диккенса, чтобы закончить и почти закончил “Тайну Эдвина Друда”.

THE SPRINGFIELD DAILY UNION: SATURDAY, JULY 26, 1873.

New Advertisements.

Grey and White, and Grey and Black STRIPED SKIRTS.

A better article in material, make and style than we have ever seen in the market before.

McKnight, Norton & Hawley.

TO RENT—ONE UP-STAIRS AND one down-stairs Tenement, within three minutes' walk of Depot. Inquire of E. S. KIMBALL, No. 18 Clinton st.

SUMMER GOODS AT COST. WILCOX, the Clothier.

WHITE VESTS. WHITE VESTS! White Vests, at BRIGHAM'S.

THE DAILY UNION.

TERMS OF THE DAILY UNION.

The Daily Union is published every afternoon at 301 Main street (corner of Worthington), Springfield, Mass.,—at least three times a week upon a double sheet. Subscription price $7 a year in advance; six months $3.50; three months $1.75; per month, 60 cents; per week, 14 cents; single copies, 3 cents for double sheets, 2 cents for single sheets.

THE WEEKLY UNION.

The Weekly Union is published every Thursday morning, and contains a selection of the best matter in the Daily, including Editorial Discussions of the topics of the week, Literary Miscellanies, at least one good Story, the Latest Markets and Financial Intelligence, and a complete and comprehensive Summary of the News, local and general. The Weekly Union is printed on a large double sheet of 56 columns, making it the largest weekly paper in interior New England. Subscription price, by mail, $2 a year, with a large reduction to clubs.

ADVERTISING IN THE UNION.

The fact that the Union has the largest local circulation makes it the best advertising medium in Springfield, or vicinity, as it is the cheapest. The ordinary advertising rates in the Daily are eight cents a line first insertion, five cents a line for each repitition; in the Weekly, fifteen cents a line each insertion.

TO CORRESPONDENTS.

To receive attention the name of the writer must in all cases accompany communications, news reports and notices intended for the paper, not necessarily for publication, but as an evidence of good faith. Anonymous letters will not even be read. The Union cannot undertake to return rejected manuscripts, unless postage stamps for that purpose accompany them.

TO SUMMER TOURISTS.

Persons leaving the city for the "heated term" can have The Union forwarded to their address for any length of time, at the usual rate, 14 cents a week, or 60 cents a month, by leaving their orders at the counting-room.

PRINTING AND BINDING.

Connected with The Union is one of the largest

the state of European communities during the middle ages, when for some sin of prince or people the Papal interdict had temporarily suspended the offices of religion. Sirius, the dog-star, lays an interdict on modern religion which is not less scrupulously observed.

Interest in religion depends largely on the thermometer, and by tacit consent the churches seem to have given over expecting revivals of religion in hot weather, and would perhaps be more surprised than pleased should there be a moving of the waters in July or August. Zeal provokes perspiration, even zeal in the best of causes. Piety implies constraint. Holiness has indeed a cool, inviting sound, but for sinful men the way to it is by hard knocks, watching and fighting, and with the thermometer among the eighties it is far easier to float with the tide, even at the risk of laying up large arrears of repentance for cooler weather. So it is that summer is pre-eminently the season of backsliding, and winter the season of reviving.

We are aware that it is the habit of some religionists to upbraid the church and the community for their religious laxity at the present season of the year. To such we have a word or two to say. In hot weather, physical discomfort is at its greatest, and the bodily needs are most importunate. The body will have rest, it will have shade, it will shun agitation for the mind as well as for itself. We admit that in cold weather a man may forget his body and live in and for his soul; but with the thermometer at eighty, we defy him to. If we believe that Providence has any regard to natural laws in its workings, there is nothing surprising, nothing reflecting shame upon his servants, in the fact that religious interest flags in summer. The same rule holds in all other departments of mental or physical activity. Men do not pretend to pursue intellectual labors as arduously in summer as in winter, nor is it physically possible that they should. Schools and colleges close. Authors abandon their studies, artists their studios. Only those pursuits absolutely essential to human life, and the maintenance of necessary institutions are prosecuted, and even these with flagging industry.

Writers are fond of making spicy paragraphs reflecting on the custom of vacations for ministers. It seems to us that a good many unreasonable things are said on this head. A minister is no more a Salamander than his brethren, and although his function is a sacred one he enjoys no miraculous protection against the oppressiveness of summer, over and above other classes of laborers. It has thought right to black-ball the Eastern potentate.

"A gay young Lutheran," is what an Oil city lady called a young blade whom she suspected of rapidity. The young Lothario denied the soft impeachment, and said his father was a Methodist, but he "didn't belong regular to any meeting house himself."

A Pennsylvania preacher returned thanks, lately, for the prosperous condition of the crops, but carefully put in "Excepting, O Lord, the corn, which is backward, and the oats, which are mighty thin in spots."

Tcehe county, Louisiana, has a salt bed containing ninety million tons of pure rock salt. But the statement must be taken *cum grano salis*.

A New York marine reporter says that "the ocean is white with the neckties of outward bound clergymen.

The man who divided the human race into two classes—exploded humbugs and unexploded humbugs—has not yet decided, so far as heard from, in which class to locate.

The subject of impressions at first sight was being talked over in a family circle, when the mother of the family said, "I always form an idea of a person on first sight, and generally find it correct. "Mamma," said her youthful son. "Well, my dear, what is it?" "I want to know what your opinion of me was when you first saw me."

PERSONAL.

Ex-United States Ministers Blair, Biddle and Rice, respectively of Costa Rica, San Salvador and Honduras, in company with Consul Thorrington, arrived at New York from Aspinwall, Friday.

Miss Fannie W. Roberts of Kittery is the first woman in Maine endowed with authority from the governor to solemnize marriages.

Gen John C. Fremont has been in Boston this week and Gen Banks has been his principal companion. Railroad matters bring them together.

The Chicago Post says the country is about equally pleased and sorry over the result of the Dana matter in New York. It is pleased that a vital principle has been sustained and approved, but sorry that Dana was not taken to Washington and locked up securely, where he never would have been heard from any more. Thus, over the result, do mingle our laughter and our tears.

Olive Harper writes from London: "Swinburne and I have met. Somehow he does not strike me pleasantly. He is, I think,

A LITERARY SENSATION.

"EDWIN DROOD" NO LONGER A MYSTERY.

THE NOVEL COMPLETED BY DICKENS HIMSELF.

THE WORK DONE THROUGH A BRATTLEBORO MEDIUM.

A MOST EXTRAORDINARY PROCEEDING.

EXTRACTS FROM SEVERAL CHAPTERS OF THE FORTHCOMING VOLUME.

THE GENIUS OF DICKENS APPARENT IN ALL.

A DETAILED HISTORY OF A REMARKABLE AFFAIR.

A New Novel by Dickens Promised Through the Same Source.

(CORRESPONDENCE OF THE UNION.)

BRATTLEBORO, VT., July 25, 1873.

This picturesque village, nestling at the base of the Green mountains, with pleasant, shaded avenues, many and well-kept hedges of evergreen, cosy home-like cottages, and strangely variant grades,—so that from the level of one street you may walk squarely into the fourth story of a building on the next,—this charming village, among the hills of Vermont, is about to wake up and find itself famous. In a small room of a small house, in a retired part of the village, has been gradually accumulating for the last eight months a pile of indistinctly written manuscript, which threatens ere long to set the literary world agog, and cause a vast amount of comment and discussion on both sides of the Atlantic. This manuscript protesses to be nothing more nor less than the second volume of the "Mystery of Edwin Dood," by Charles Dickens himself, who, as all will remember, died when this, his last story, was scarcely half done, leaving the mystery still unsolved, and no memorandum or other clew to his purpose, in the development of the plot or completion of the novel. A bold man he, who would undertake to finish what Dickens had left undone; but how well this task has been performed by *some one*,—I will not undertake to say who,—the readers of The Union shall have opportunity to judge for themselves.

Dickens being dead, the work has been done by an amanuensis,—a medium, if you will, but an unprofessional one, and a person who knew nothing whatever about Spiritualism until this strange experience befel him;

of whose existence Mr A. knew nothing. Subsequently messages of the usual sense were written, assuming to come from the other world, and it is said that some tests of an astonishing character were given to prove the identity of the writers. With all that, however, I have nothing to do.

During the latter part of October, Mr A. wrote, at a seance, a message addressed to himself, requesting a sitting on the 15th of November, and signed in a plain, bold hand, Charles Dickens. Several subsequent communications reminded him of the date, entreated him not to deny the request, and, as the day approached, demanded in the most unequivocal terms that it should be granted. After rising from the table where he had been writing, on one instance, a few evenings before that date, he exclaimed that a face was looking down upon him from one corner of the room, with hands outstretched toward him. Others in the room could see nothing, but he rushed to the spot and appeared to shake hands with the imaginary being, whoever or whatever it was. On relating the circumstance, the next day, to a gentleman who has been his confidant through the whole affair, his friend stepped to a book-case and took down a Life of Dickens, containing an excellent portrait of that author, and showed it to him. His face instantly became blanched, as he cried, "Good God! That's the man I saw last night!" The ownership of the face seemed not to have occurred to him before; but since then, as he earnestly avers, and as the few friends in his secret implicitly believe, he has seen him many times.

The result of the sitting on the 15th of November, which took place according to direction, in a dark room with no one but the medium present, was a long communication, ostensibly from Mr Dickens, expressing a desire to complete through him the novel left unfinished at his (Dickens's) death. He had long sought for means by which this could be accomplished, but had not before been able to find any which he believed could be employed successfully. He desired that the first sitting should be on Christmas eve, the night of all the year which he loved best when on earth, and asked that the medium would allow as much time to the task as he could without injury to his business and health. After adding the assurance that the undertaking would prove of pecuniary benefit to him, the message closed with Dickens's customary "Faithfully yours."

Here was laid out a greater task than our hero had bargained for, and it must be confessed that he looked forward with anything

Статья «A Literary Sensation. “Edwin Drood” No Longer a Mystery» (Springfield Daily Union, July 26, 1873)

Я был первым, кому посчастливилось узнать от него самого все подробности, рассмотреть рукопись и сделать из нее извлечения.

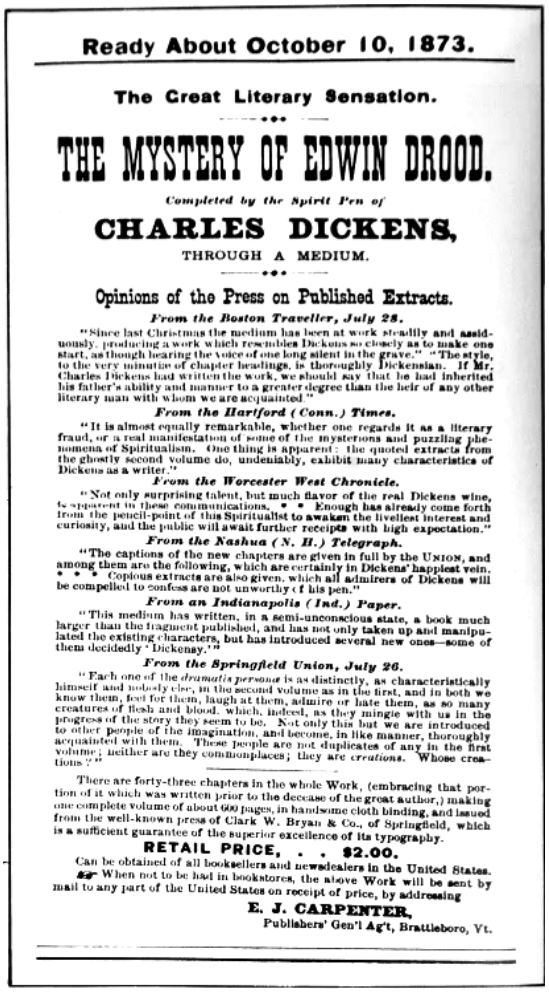
Дело было так: месяцев десять тому назад молодой человек (которого для краткости я буду называть г.[25] А., так как медиум до сих пор не желает оглашать своего имени) был приглашен своими приятелями присесть к столу для спиритического опыта. До этого времени он смеялся над всякими “спиритическими чудесами”, считая их шарлатанством, нисколько не подозревая, что он сам обладает какими-нибудь медиумическими способностями. Едва начался сеанс, как стали раздаваться учащенные стуки и стол после самых резких и разнообразных движений опрокинулся на колени к г. А., чтобы показать, что медиумом был он. На следующий вечер его пригласили участвовать в другом сеансе. Проявления были еще сильнее. Г. А. внезапно впал в транс, схватил карандаш и написал сообщение от имени ребенка одного из присутствующих, о существовании которого г. А. ничего не знал. Но распространяться о дальнейших случаях этого рода мне здесь нет надобности...

В конце октября прошлого 1872 года на одном из сеансов г. А. написал сообщение к себе самому, подписанное именем Чарльза Диккенса, с просьбою дать ему специальный сеанс 15 ноября; по приближению этого срока ему постоянно о том напоминалось... Результатом сеанса 15 ноября, который, согласно данным указаниям, происходил в темной комнате в присутствии одного А., было длинное сообщение от имени Диккенса, выражавшего желание закончить через него как медиума неоконченный им роман. В сообщении говорилось, что он (Диккенс) давно искал, каким бы способом этого достигнуть, но до сих пор не находил никого подходящего для

[25] господин.

успешного выполнения такой задачи. Он желал, чтобы первая диктовка происходила в канун Рождества, в ту ночь, которую он более всего любил на земле, и просил медиума отдать на это дело столько времени, сколько это было для него возможно без ущерба для его обычных занятий... Вскоре стало очевидно, что тут работает рука мастера, и г. А. стал охотнее покоряться постигшей его странной участи. Результат его труда от Рождества до настоящего времени (июля 1873 года) – труда вне ежедневных десятичасовых занятий своим ремеслом – представляет теперь 1200 страниц рукописи, которой достаточно для октавного тома[26] в 400 страниц".

Критикуя затем новую часть романа, корреспондент говорит: "Здесь перед нами, прежде всего, целая группа лиц, каждое со своими отдельными характеристическими чертами, и роли всех этих лиц должны быть выдержаны до конца – труд нелегкий для человека, который никогда отроду ни о каком предмете не написал и трех страниц. И вот в первой же главе нас поражает полное сходство новой части с прежней: нить рассказа подхвачена с того самого слова, на котором она была прервана смертью, и повествование продолжается с такой цельностью, что самый острый глаз критика, не знающего, где кончилось старое и где началось новое, не будет в состоянии уловить тот момент рассказа, когда смолкло слово Диккенса! Каждое лицо романа продолжает быть столь же живым, типичным, верным самому себе во второй части, как и в первой. И это еще не все: мы знакомимся с другими новосозданными личностями (Диккенс всегда вводил новые лица даже в последних главах своих романов), и эти лица никак не дубликаты героев первой части, не просто манекены, а живые люди, цельные созданные типы. Кем же созданы они?" (стр. 323).

Ready About October 10, 1873.

The Great Literary Sensation.

THE MYSTERY OF EDWIN DROOD.

Completed by the Spirit Pen of

CHARLES DICKENS,

THROUGH A MEDIUM.

Opinions of the Press on Published Extracts.

From the Boston Traveller, July 28.

"Since last Christmas the medium has been at work steadily and assiduously, producing a work which resembles Dickens so closely as to make one start, as though hearing the voice of one long silent in the grave." "The style, to the very minutiæ of chapter headings, is thoroughly Dickensian. If Mr. Charles Dickens had written the work, we should say that he had inherited his father's ability and manner to a greater degree than the heir of any other literary man with whom we are acquainted."

From the Hartford (Conn.) Times.

"It is almost equally remarkable, whether one regards it as a literary fraud, or a real manifestation of some of the mysterious and puzzling phenomena of Spiritualism. One thing is apparent: the quoted extracts from the ghostly second volume do, undeniably, exhibit many characteristics of Dickens as a writer."

From the Worcester West Chronicle.

"Not only surprising talent, but much flavor of the real Dickens wine, is apparent in these communications. * * Enough has already come forth from the pencil-point of this Spiritualist to awaken the liveliest interest and curiosity, and the public will await further receipts with high expectation."

From the Nashua (N. H.) Telegraph.

"The captions of the new chapters are given in full by the UNION, and among them are the following, which are certainly in Dickens' happiest vein. * * * Copious extracts are also given, which all admirers of Dickens will be compelled to confess are not unworthy of his pen."

From an Indianapolis (Ind.) Paper.

"This medium has written, in a semi-unconscious state, a book much larger than the fragment published, and has not only taken up and manipulated the existing characters, but has introduced several new ones—some of them decidedly 'Dickensy.'"

From the Springfield Union, July 26.

"Each one of the *dramatis personæ* is as distinctly, as characteristically himself and nobody else, in the second volume as in the first, and in both we know them, feel for them, laugh at them, admire or hate them, as so many creatures of flesh and blood, which, indeed, as they mingle with us in the progress of the story they seem to be. Not only this but we are introduced to other people of the imagination, and become, in like manner, thoroughly acquainted with them. These people are not duplicates of any in the first volume; neither are they commonplaces; they are *creations*. Whose creations?"

There are forty-three chapters in the whole Work, (embracing that portion of it which was written prior to the decease of the great author,) making one complete volume of about 600 pages, in handsome cloth binding, and issued from the well-known press of Clark W. Bryan & Co., of Springfield, which is a sufficient guarantee of the superior excellence of its typography.

RETAIL PRICE, . . $2.00.

Can be obtained of all booksellers and newsdealers in the United States.

☞ When not to be had in bookstores, the above Work will be sent by mail to any part of the United States on receipt of price, by addressing

E. J. CARPENTER,

Publishers' Gen'l Ag't, Brattleboro, Vt.

Рекламное объявление о выходе в свет 10 октября 1873 года «великой литературной сенсации» – романа «Тайна Эдвина Друда», «оконченного духом Чарльза Диккенса через медиума» («включающем в себя ту часть, которая была написана до кончины великого автора»), с мнением прессы об опубликованных отрывках

[26] Формат книги ин-октаво – от 8 до 10 дюймов (200–250 мм) по высоте (приблизительно формат А5).

“Здесь некоторые подробности, – говорит критик, – могут представлять несомненный интерес. Рассматривая рукопись, я нашел слово *traveller* (путешественник), везде написанное с двумя *l*, как это всегда соблюдается в Англии и очень редко у нас в Америке. Также слово *coal* (уголь) всегда писано *coals,* как принято в Англии. Нельзя не заметить еще особенного употребления больших букв, как это встречается у Диккенса. Удивительно знакомство с топографией Лондона, как это видно из некоторых приведенных мною выдержек. Встречаются обороты речи, совершенно неслыханные в Америке, но обычные в Англии. Упомяну еще о внезапных переходах от прошедшего времени к настоящему, особенно в живом рассказе, переход, очень любимый Диккенсом, особенно в его последних сочинениях. Эти и многие тому подобные частности, быть может, и не важны, но именно о них бы и разбилась грубая подделка”.

Вот заключение, к которому приходит корреспондент: “Я приехал в Братлборо в уверенности, что найду это посмертное творение легко разоблачаемой подделкой. После двух дней тщательного и критического рассмотрения я уезжаю, признаюсь, порядком озадаченный. Я отвергаю, прежде всего, как нечто невозможное – как сделает это и всякий после тщательного расследования дела – то предположение, что эта рукопись была написана самим медиумом. Он говорит, что никогда не читал первого тома, и мне нет дела до того, читал он его или нет, так как я совершенно убежден, что он не в состоянии написать даже одной страницы второй части. И в этом нет для него ничего обидного, ибо многие ли способны делать то, что Диккенс оставил недоделанным.

Я вынужден поэтому признать одно из двух: или какой-нибудь гениальный человек употребляет личность А. как орудие, чтобы необыкновенное произведение представить публике и путем необыкновенным, или эта книга, как и претендует ее неведомый автор, есть действительно диктовка самого Диккенса с того света. Едва ли второе предположение чудеснее первого. Если есть в Вермонте человек, доселе неизвестный, способный писать, как Диккенс, то ему, разумеется, нет надобности прибегать к таким приемам. Если же, с другой стороны, сам Диккенс “хотя и мертв, но глаголет”[27], то чего же ждать еще? Я должен по чести заявить, что при предоставленной мне полной свободе исследования я не нашел ни малейшего признака обмана, а если б я имел право обнаружить имя “медиума-писца”, то этого было бы достаточно, чтобы удалить всякую тень подозрения среди тех, кто его сколько-нибудь знает”.

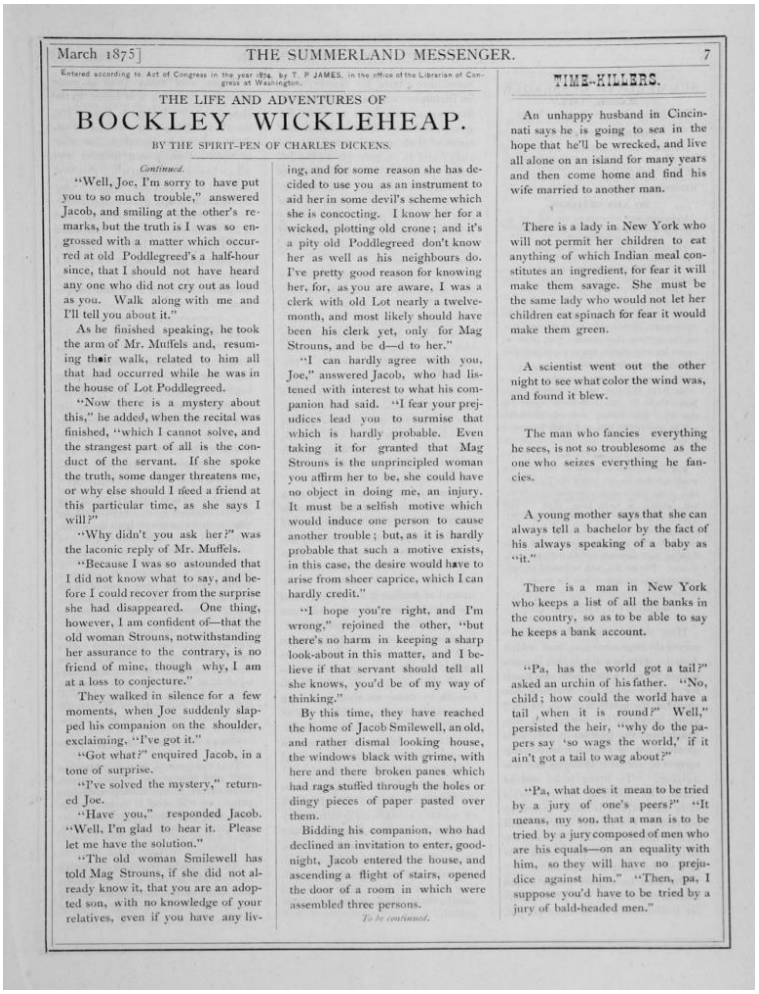
Вот некоторые подробности относительно того, как писалось продолжение романа:

“Сперва медиум писал только три раза в неделю по три или по четыре страницы зараз, но потом стал писать по два раза в день и по десяти-двенадцати и иногда даже по двадцати страниц в один присест. Почерк не его собственный и, насколько удалось сравнить его, имеет некоторые особенности [почерка] Диккенса. В начале каждого сеанса почерк красив, изящен, точно женский, но с каждой дальнейшей страницей становится все грубее и грубее и на последней оказывается раз в пять, если не в десять, крупнее, чем на первой странице; такой порядок в изменении почерка наблюдается на всех написанных доселе полутора тысячах страниц, резко отделяя один сеанс от другого. В начале некоторых страниц стоят стенографические знаки, о которых медиум не имеет никакого понятия. Иногда писание было столь быстрое, что трудно разобрать его.

Способ ведения сеансов очень несложен. Приготовив два остро очиненных карандаша и большое количество бумаги, разорванной на полулисты, г. А. уходит один в свою комнату. Обычное время писания – шесть часов поутру и половина восьмого вечером, т.е. такие часы, в которые в это время года светло; впрочем, вечерние сеансы нередко переходят за половину девятого и позднее, и писание происходит одинаково хорошо в темноте, как и при свете, зимою же все сеансы происходят в темноте. Положив бумагу и карандаши так, чтобы удобно было достать их, этот “писец” Диккенса кладет руки на стол ладонями вниз и беззаботно ждет результата. Впрочем, не вполне беззаботно, ибо хотя явление, давно потеряв свою новизну, стало для него уже привычным, а все-таки, по его собственному признанию, оставаясь один на этих сеансах и как бы вызывая умершего, он никогда не может отрешиться от некоторого чувства страха. Сидит он в ожидании, куря иногда в это время сигару, две, три, пять минут, а не то и десять, даже полчаса, но обыкновенно, если “условия хороши”, не более двух минут. Условия главным образом зависят от

[27] См.: «Он и по смерти говорит еще» (Евр. 11, 4).

погоды. В светлый, тихий день и его машина, как и электрическая, работает безостановочно; буря производит помеху; чем буря сильнее, тем помехи больше, так что в очень дурную погоду сеанс отлагается. Просидев за столом в ожидательной позе потребное, смотря по условиям, время, г. А. не постепенно, а вдруг теряет сознание, и писание продолжается полчаса, час, однажды оно продолжалось целых полтора. Единственное воспоминание, сохраняемое медиумом об этом трансе, это видение им всякий раз Диккенса, сидящего возле него, склонившего голову на руки как бы в сильной задумчивости с серьезным, несколько грустным выражением лица. Он не говорит ни слова, но иногда внушительно взглядывает на медиума. “О, какие это глаза!”

March 1875] THE SUMMERLAND MESSENGER. 7

Entered according to Act of Congress in the year 1874, by T. P. JAMES, in the office of the Librarian of Congress at Washington.

THE LIFE AND ADVENTURES OF

BOCKLEY WICKLEHEAP.

BY THE SPIRIT-PEN OF CHARLES DICKENS.

Continued.

"Well, Joe, I'm sorry to have put you to so much trouble," answered Jacob, and smiling at the other's remarks, but the truth is I was so engrossed with a matter which occurred at old Poddlegreed's a half-hour since, that I should not have heard any one who did not cry out as loud as you. Walk along with me and I'll tell you about it."

As he finished speaking, he took the arm of Mr. Muffels and, resuming their walk, related to him all that had occurred while he was in the house of Lot Poddlegreed.

"Now there is a mystery about this," he added, when the recital was finished, "which I cannot solve, and the strangest part of all is the conduct of the servant. If she spoke the truth, some danger threatens me, or why else should I need a friend at this particular time, as she says I will?"

"Why didn't you ask her?" was the laconic reply of Mr. Muffels.

"Because I was so astounded that I did not know what to say, and before I could recover from the surprise she had disappeared. One thing, however, I am confident of—that the old woman Strouns, notwithstanding her assurance to the contrary, is no friend of mine, though why, I am at a loss to conjecture."

They walked in silence for a few moments, when Joe suddenly slapped his companion on the shoulder, exclaiming, "I've got it."

"Got what?" enquired Jacob, in a tone of surprise.

"I've solved the mystery," returned Joe.

"Have you," responded Jacob. "Well, I'm glad to hear it. Please let me have the solution."

"The old woman Smilewell has told Mag Strouns, if she did not already know it, that you are an adopted son, with no knowledge of your relatives, even if you have any living, and for some reason she has decided to use you as an instrument to aid her in some devil's scheme which she is concocting. I know her for a wicked, plotting old crone; and it's a pity old Poddlegreed don't know her as well as his neighbours do. I've pretty good reason for knowing her, for, as you are aware, I was a clerk with old Lot nearly a twelvemonth, and most likely should have been his clerk yet, only for Mag Strouns, and be d—d to her."

"I can hardly agree with you, Joe," answered Jacob, who had listened with interest to what his companion had said. "I fear your prejudices lead you to surmise that which is hardly probable. Even taking it for granted that Mag Strouns is the unprincipled woman you affirm her to be, she could have no object in doing me, an injury. It must be a selfish motive which would induce one person to cause another trouble; but, as it is hardly probable that such a motive exists, in this case, the desire would have to arise from sheer caprice, which I can hardly credit."

"I hope you're right, and I'm wrong," rejoined the other, "but there's no harm in keeping a sharp look-about in this matter, and I believe if that servant should tell all she knows, you'd be of my way of thinking."

By this time, they have reached the home of Jacob Smilewell, an old, and rather dismal looking house, the windows black with grime, with here and there broken panes which had rags stuffed through the holes or dingy pieces of paper pasted over them.

Bidding his companion, who had declined an invitation to enter, goodnight, Jacob entered the house, and ascending a flight of stairs, opened the door of a room in which were assembled three persons.

To be continued.

TIME-KILLERS.

An unhappy husband in Cincinnati says he is going to sea in the hope that he'll be wrecked, and live all alone on an island for many years and then come home and find his wife married to another man.

There is a lady in New York who will not permit her children to eat anything of which Indian meal constitutes an ingredient, for fear it will make them savage. She must be the same lady who would not let her children eat spinach for fear it would make them green.

A scientist went out the other night to see what color the wind was, and found it blew.

The man who fancies everything he sees, is not so troublesome as the one who seizes everything he fancies.

A young mother says that she can always tell a bachelor by the fact of his always speaking of a baby as "it."

There is a man in New York who keeps a list of all the banks in the country, so as to be able to say he keeps a bank account.

"Pa, has the world got a tail?" asked an urchin of his father. "No, child; how could the world have a tail when it is round?" Well," persisted the heir, "why do the papers say 'so wags the world,' if it ain't got a tail to wag about?"

"Pa, what does it mean to be tried by a jury of one's peers?" "It means, my son, that a man is to be tried by a jury composed of men who are his equals—on an equality with him, so they will have no prejudice against him." "Then, pa, I suppose you'd have to be tried by a jury of bald-headed men."

Журнал «The Summerland Messenger» (1875, март), основанный Т.П.Джеймсом

Вспоминается это медиуму так, как вспоминается нам тотчас после пробуждения только что виденный сон, т.е. как нечто реальное и вместе с тем неуловимое. В знак, что сеанс кончен, Диккенс всякий раз кладет на руку медиума свою холодную, тяжелую руку; в начале сеансов г. А. вскрикивал при этом прикосновении, да и теперь при воспоминании о нем невольно вздрагивает. Через это прикосновение он приходит в себя, но обыкновенно требуется еще посторонняя помощь, чтобы отнять его руки от стола, к которому они, по-видимому, магнетически притягиваются. Придя в себя, он находит на полу исписанные в тот день листки, разбросанные по разным направлениям. Страницы не перенумерованы, и г. А. приходится впоследствии уже по смыслу проставлять страницы. Некоторое время после окончания сеанса медиум чувствует сильную боль в груди, но она скоро проходит; вот единственное испытываемое им неприятное последствие. Чрезвычайная нервозность, которою он страдал прежде развития своих медиумических способностей, теперь совершенно его оставила, и он никогда не был так крепок и здоров физически” (с. 326).

Для больших подробностей отсылаю читателя к с. 322–326[28] и 375 “Спиритуалиста” 1873 г.[29], где помещены и выдержки из новой части романа, и еще к стр. 26 1874 года[30], на которой г. Гаррисон[31], издатель “Спиритуалиста”, хороший знаток английской литературы, выражается по этому поводу следующим образом:

“Трудно предположить, чтоб гениальность и художественность, проявляющиеся в этом произведении, носящем на себе такую печать сходства с Диккенсом, могли побудить его автора, кто бы он ни был, предстать перед миром только в роли искусного подделывателя”. <…>

…Роман Диккенса, не доконченный им при жизни, был закончен им по смерти рукою молодого, литературно необразованного медиума; весь роман теперь напечатан, и всякий может сам судить, насколько конец достоин начала. Не только драма романа продолжается и закончена мастерской рукой – так что самый тонкий критик не мог бы сказать, где кончается подлинник и где начинается его медиумическое продолжение, – но, кроме того, много особенностей в слоге и правописании свидетельствуют о личности автора»[32].

В 1874 году Т.П.Джеймс основал журнал «The Summerland Messenger», где публиковались послания от «духа Диккенса»: сохранился один номер за март 1875 года, в котором можно прочесть отрывки из романа «The Life and Adventures of Bockley Wickleheap» («Жизнь и приключения Бакли Уиклхипа») (анонсированный в «Предисловии медиума» ко второй части «Тайны Эдвина Друда») и рассказа «The Story of a Humpback’s Pilgrimage» («История странствия горбуна»).

* * *

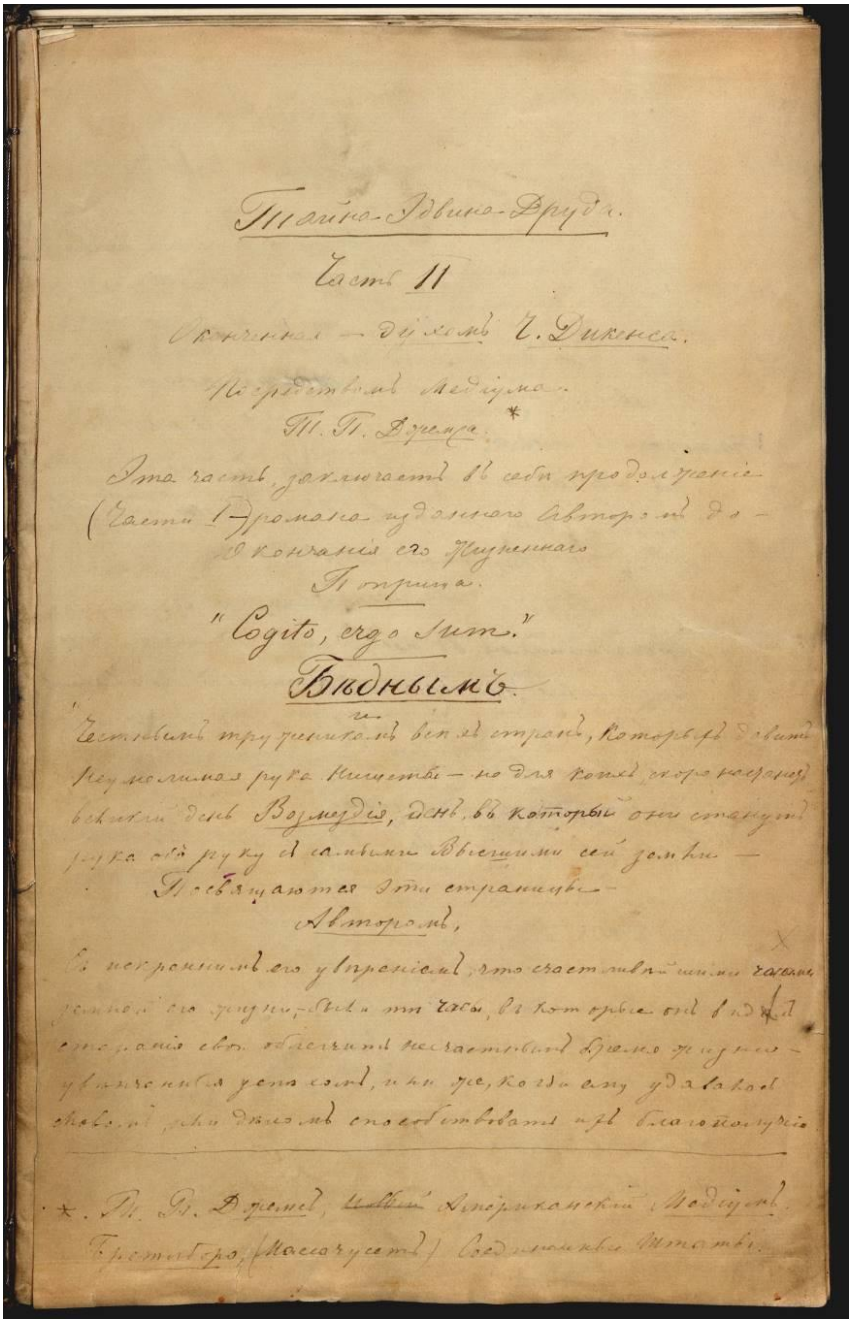
Е.П.Блаватская, прибыв в Америку в июле 1873 года, спустя некоторое время отправилась, по всей видимости, по Указанию своего Учителя в Братлборо, где и познакомилась с типографским рабочим Томасом Джеймсом. Она присутствовала при его «работе» над продолжением романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» и выполнила перевод полученных записей на русский язык. Скорее всего, этот перевод был осуществлен также по Высокому Указанию.

Осенью 1874 года Елена Петровна вступила в переписку с А.Н.Аксаковым. В своем первом письме к Александру Николаевичу от 28 октября она предложила знакомить его с новинками зарубежной спиритуалистической литературы и высказала пожелание опубликовать свой перевод продолжения романа «Тайна Эдвина Друда» на родине: «Вы вероятно также слышали о посмертном сочинении Диккенса. Вторая часть неоконченного им при жизни романа его “Эдвина Друда”. Я перевела эту вторую часть, и она лежит готовая у меня... Дух ли Диккенса написал ее, или сам медиум James, но эта вторая часть признана всей американской и европейской прессой (с малыми исключениями) за совершенное facsimile[33] слога Диккенса и его неподражаемого юмора... <…> Очень бы я хотела видеть напечатанное в России окончание вышеупомянутого романа Диккенса. Я долго над ним работала и переводила с манускрипта Дже[й]мса, как он писал под диктовку духа Диккенса...»[34] Аксаков об этой просьбе Блаватской сообщил писателю Н.С.Лескову.

В письме от 21 ноября 1874 года Николай Семенович ответил Александру Николаевичу: «Блавацкая, мне кажется, смело могла бы переводить роман. Я думаю, что я нашел бы и издателя»[35]. Одновременно Лесков оповестил читателей в двух своих заметках («Роман,

[28] The Spiritualist, 1873, 15 сентября.
[29] The Spiritualist, 1873, 1 ноября.
[30] The Spiritualist, 1874, 16 января.
[31] Уильям Генри Гаррисон (1841–1897) – издатель газеты «The Spiritualist» (1874–1879).
[32] *Аксаков А.Н.* Анимизм и спиритизм. Уфа, 1910. С. 351–357, 579.
[33] факсимиле (*англ.*).
[34] Цит. по: *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 282–283.
[35] РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 114. Л. 4.

дописанный мертвецом» и «Окончание романа Диккенса, написанное его духом»)[36] в газете «Русский мир» о скором выходе в свет продолжения романа Диккенса, «полученного таким необыкновенным до сих пор путем». В первой заметке он сообщил, что его переводом занята «одна наша очень просвещенная соотечественница г-жа Б.» (то есть Блаватская) и что «вероятно труд этой переводчицы в скором времени будет доставлен в Россию и будет напечатан». В следующей заметке под «американским корреспондентом» имелась в виду также она. Это была первая информация о Елене Петровне в русской прессе.

Рукопись перевода Е.П.Блаватской
второй части романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда»

[36] Русский мир, 1874, №312, 13 ноября; №320, 21 ноября (раздел «Обо всем и отовсюду») (см. также: Заметки Н.С.Лескова о продолжении романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» (газета «Русский мир», 1874) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

В письме от 21 ноября Н.С.Лесков сообщил А.Н.Аксакову: «№, где была первая заметка, не мог отыскать; но сделав с Ваших слов вторую, спешно ее препровождаю». А.Н.Аксаков в своем дневнике отметил 22-го ноября получение этого письма от Н.С.Лескова и «замет[ки] *Рус[ского] Мира* об “Тайне Эдв[ина] Друда”» (РО ИРЛИ, ф. 2). В следующем письме Николай Семенович продолжил: «…Для Вас первую статью отыскал, вырезал и при сем прилагаю» (РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 114. Л. 5).

Во втором письме к А.Н.Аксакову от 14 ноября Блаватская напомнила, что она «перевела “Эдвина Друда”, и он давно готов»[37]. Александр Николаевич в ответе от 10/22 ноября обнадежил Елену Петровну: «Что касается до “Эдвина Друда”, то, во всяком случае, перевод Ваш присылайте. Думаю, что, так или иначе, найдем возможность поместить его в каком-нибудь журнале, потрудитесь также прописать условия Ваши». В следующем письме от 11–13 декабря Аксаков известил Блаватскую о газетных публикациях, посвященных «роману» Диккенса: «О русском переводе “Тайны Эдв[ина] Друда” уже появились, со слов моих, две заметки в “Русском мире”; жду Вашей рукописи…»

Перевод «Тайны Эдвина Друда» был прислан А.Н.Аксакову в феврале 1875 года. Он написал Блаватской 12 марта, что отдал его «читать в литературные руки: говорят, перевод не удовлетворителен; переводить Диккенса нелегко; надо будет потолковать о том, чтобы поручить кому-нибудь править Ваш перевод в надлежащий вид». В письме от 16/28 мая Александр Николаевич сообщил Елене Петровне: «“Друда” я в одну редакцию уже предлагал, но безуспешно; рукопись возвратили; причина возвращения мне еще не известна; прежде чем дать ее выправлять, надо заручиться чьим-либо согласием ее напечатать. Постараемся». Но опубликовать продолжение романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» в переводе Е.П.Блаватской в то время так и не удалось. Возможно, что причиной этому, кроме «неудовлетворительного перевода», было нежелание российских журналов, как и предполагал Н.С.Лесков, «печатать произведение духа»[38].

Что касается самого перевода, то он выполнен Е.П.Блаватской довольно вольно и сокращен во многих местах при сравнении с текстом американского издания 1873 года[39]. С этим изданием не все было в порядке. В нем, как написала Елена Петровна в примечании к переводу, «оказались странные переделки, которые, по словам критиков, много испортили оригинальность сочинения. Кто взял на себя эту переделку к худшему – неизвестно. Ходят слухи, что бостонское духовенство *пресвитерианцев* платило большие деньги тамошней типографии за корректурные листы этой повести, которая и вышла совершенно изувеченной».

Первая публикация перевода Е.П.Блаватской состоялась только в 2016 году[40]. К сожалению, она «получилась неудачной, некачественной и ненаучной. Текстологическая работа проведена редактором-составителем крайне некорректно и безответственно, рукопись издана со многими искажениями текста, заключающимися в ошибочной расшифровке, самовольных перестановках, вставках и изъятиях слов и даже целых фраз»[41].

Первым научным изданием второй части романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» в переводе на русский язык Е.П.Блаватской является публикация на сайте Бахмутского Рериховского общества (https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html).

При публикации сохранены особенности авторского стиля и языка XIX столетия. В некоторых случаях мы посчитали необходимым текст привести к нормам современного русского языка, не оговаривая этого специально, например: мущина – мужчина, счастие – счастье, найдти – найти, лэди – леди, кошемар – кошмар, ариер-гард – арьергард, матерьял – материал, спазмодический – спазматический, извощик – извозчик, обращик – образчик, христьянство – христианство, вниманье – внимание, замечанье – замечание, желанье – желание, мненье – мнение, виденье – видение, корридор – коридор, миньятюрный – миниатюрный, мятель – метель, и т.п.

---

[37] Цит. по: *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 284.

[38] *[Лесков Н.С.]* Роман, дописанный мертвецом // Русский мир, 1874, №312, 13 ноября.

[39] Part Second of the Mystery of Edwin Drood. By the Spirit Pen of Charles Dickens, through a Medium. Brattleboro, VT: Published by T.P.James, 1873 (второе издание аутентичное первому вышло в 1874 г.).

[40] *Блаватская Е.П.* Собрание произведений в 24 томах. Т. 1 (1851–1873). М., 2016.

[41] Текстовая вивисекция, или как Олег Болдырев издает собрание сочинений Е.П.Блаватской // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html.

* * *

Анализируя обе части романа «Тайна Эдвина Друда», мы можем сказать, что уже в первой главе находится ключ к пониманию замысла произведения. В Клойстергемском соборе[42] звучит вечерняя литургия, которая начинается словами из Книги пророка Иезекииля: «И беззаконник, если обращается от беззакония своего, какое делал, и творит суд и правду, – к жизни возвратит душу свою»[43]. Эти слова, без сомнения, относятся к Джону Джасперу, который раскаялся в злодеяниях и тем спас себя от духовной смерти: «Ибо он увидел и обратился от всех преступлений своих, какие делал; он будет жив, не умрет»[44]. В конце романа после годичного пребывания на цепи в сумасшедшем доме он бежит оттуда и направляется к могиле своей восьмилетней дочери Бесси. Подойдя, «он опускается перед ней на колени и с диким блеском в глазах, заломив руки над головою, произносит внятно и отчетливо голосом, прерывающимся от рыданий: “Видение послало меня помолиться на твоей могиле, дорогое мое дитя; оно сказало мне, что если попрошу я твоего заступничества за несчастного грешника, отвергаемого смертью и недостойного жить на земле, то Господь услышит твою детскую молитву! Ты простила мне перед смертью, Бесси. Я помню слова твои – о, как хорошо помню! Попроси у Бога простить мне, Бесси, и проведи мой грешный дух к стопам Всевышнего судьи. Теперь ты – чистый ангел, девочка моя, и можешь читать в моем разбитом сердце. Оно так полно раскаяния и горя – ты это видишь сама, не правда ли? Иди, иди, моя дорогая маленькая Бесси, а пока ты станешь ходатайствовать за бедного грешника, я лягу на твою могилу и отдохну. Мне очень холодно, о, как холодно, дитя мое... Не медли, дитя... Скорее... Пожалей отца!” Голос его становится все тише и невнятнее, и последние слова замирают на посиневших устах, все еще повторяющих шепотом и с мольбою: “Дорогое дитя”. Затем он ложится поперек могилы, крепко обхватив ее почти окоченелыми руками. Испустив глубокий тяжелый вздох, он остается недвижимым и тихо начинает уплывать по безмолвной реке, уносящей его к Вечности!» Грешник возвращается к Отцу своему. Сюжет романа укладывается в евангельскую притчу о блудном сыне[45].

Джон Джаспер, регент Клойстергемского собора, главное действующее лицо романа, совершил в жизни много злодеяний. В молодые годы в Лондоне он под вымышленным именем, «полный распутных наклонностей», соблазнил и бросил умирать в нищете юную Бесси Трендерс (мать маленькой Бесси). Спустя некоторое время на новом месте, в Клойстрегеме, этот «развращенный демон», испытывая неудержимую страсть к Розе Буттон, сплел коварную и гнусную интригу против ее жениха и своего племянника Эдвина Друда и попытался его убить. Чтобы прикрыть свои черные дела, Джаспер оклеветал и довел до болезни и смерти Невила Ладлеса. Затем он похитил Розу и удерживал ее некоторое время силой. По словам персонажей романа, Джон Джаспер – «негодяй», «адское чудовище», «самый коварный и лукавый дьявол, созданный на земле для горя человеческого… который не остановится ни перед каким

---

[42] Прообразом вымышленного Клойстергема является старый английский город Рочестер, в котором находятся средневековые замок и собор.

[43] См.: «Переводчица [О.Холмская][*] – скорее всего, по небрежности – неверно определила первую фразу церковной службы – “When the wicked man...” Она взяла перевод из церковнославянского варианта Притчей Соломоновых: “Егда приидет нечестивый...”, что в синодальном русском переводе звучит так: “С приходом нечестивого приходит и презрение, а с бесславием – поношение” (Притч. 18, 3). (В K[ing] J[ames] B[ible][**]: “When the wicked cometh, then cometh also contempt, and with ignominy reproach”). На самом деле у Диккенса цитата из [Книги] Иезекииля: “Again, when the wicked man turneth away from his wickedness that he hath committed, and doeth that which is lawful and right, he shall save his soul alive”. То есть: “И беззаконник, если обращается от беззакония своего, какое делал, и творит суд и правду, – к жизни возвратит душу свою” (Иез. 18, 27). Именно этим стихом начинается вечерня в англиканской литургии. Но разве он не может быть ключом к тайне Эдвина Друда?» (*Абаринов В.* Тайна Друда и Джаспера).

[*] Речь идет об издании: *Диккенс Ч.* Тайна Эдвина Друда / пер. О.Холмской // Собрание сочинений в 30 т. Т. 27. – М.: Государственное издательство «Художественной литературы», 1962.

Ольга Петровна Холмская (1896–1977) – переводчица, родилась в Екатеринославе, с 1932 г. входила в школу художественного перевода И.А.Кашкина, переводила с английского и французского языков.

[**] Библия короля Якова.

[44] Иез. 18, 28.

[45] Лук. 15.

преступлением для удовлетворения собственных порочных страстей». Для них он «страшный, бесчестный, очень злой, чертовски подлый и мерзкий» человек, у которого «ничего, кроме преступного, не может гнездиться» в душе и который «питает адские мысли в своем чудовищном сердце»[46].

«Рочестерский замок и мост при лунном свете»
(неизвестный автор)

Джаспер обладал способностью овладевать волей людей, которой он пользовался при совершении своих преступлений. Некоторые персонажи помнили «черные, огненные, злые» глаза регента, а в его «сверлящем взгляде» ощущалась «разрушительная сила». Роза «жила под обессиливающим гнетом отвращения и ужаса», которые он ей внушал, «ей мерещилось, что Джаспер приобрел над нею какую-то темную колдовскую власть, что он даже издали, одним помышлением, может приковать ее к месту», при виде его ею овладевало «омерзительное чувство подчиненности и безволия». Испуганная девушка рассказывала: «Я так его боюсь. Он преследует меня как страшное привидение. Я нигде не могу укрыться от него. Стоит кому-нибудь назвать его имя, и мне чудится, что он сейчас пройдет сквозь стену. <…> Он только смотрел на меня – и я становилась его рабой. Сколько раз он заставлял меня понимать его мысли, хотя не говорил ничего, сколько раз он приказывал мне молчать, хотя не произносил ни слова. Когда я играю, он не отводит глаз от моих пальцев; когда я пою, он не отрывает взгляда от моих губ. Когда он меня поправляет и берет ноту или аккорд или проигрывает пассаж – он сам в этих звуках, он шепчет мне о своей страсти и запрещает выдавать его тайну. Я никогда не смотрю ему в глаза, но я все равно их вижу, он меня заставляет. Даже когда они у него вдруг тускнеют – это бывает – и он словно куда-то уходит, в какую-то страшную грезу, где творятся, я не знаю, какие ужасы, – даже тогда он держит меня в своей власти – я все понимаю, что с ним происходит, и все время чувствую, что он сидит рядом и угрожает мне. Как я его тогда боюсь!»

Джаспер находился под воздействием невидимых сущностей, «бесчисленных призраков», «злых демонов», созданных или привлеченных его коварными замыслами. Количество их прибывало, благодаря курению опиума. Именно они побуждали его к преступлениям. Одна такая сущность, некая Тварь, во сне дала «ему смертоносную, со свинцовой оконечностью дубину, указывая на Эдвина Друда. Он принял дубину из рук Твари и одним взмахом убил спящего». В

[46] См. также: *Матвиенко О.В.* Клойстергемский собор и его genius loci (по роману Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда») // Литературоведческий сборник. Вып. 1. Донецк, 1999.

жизни регент сделал то же самое и готов был повторить еще раз, поскольку его племянник после первого покушения остался жив.

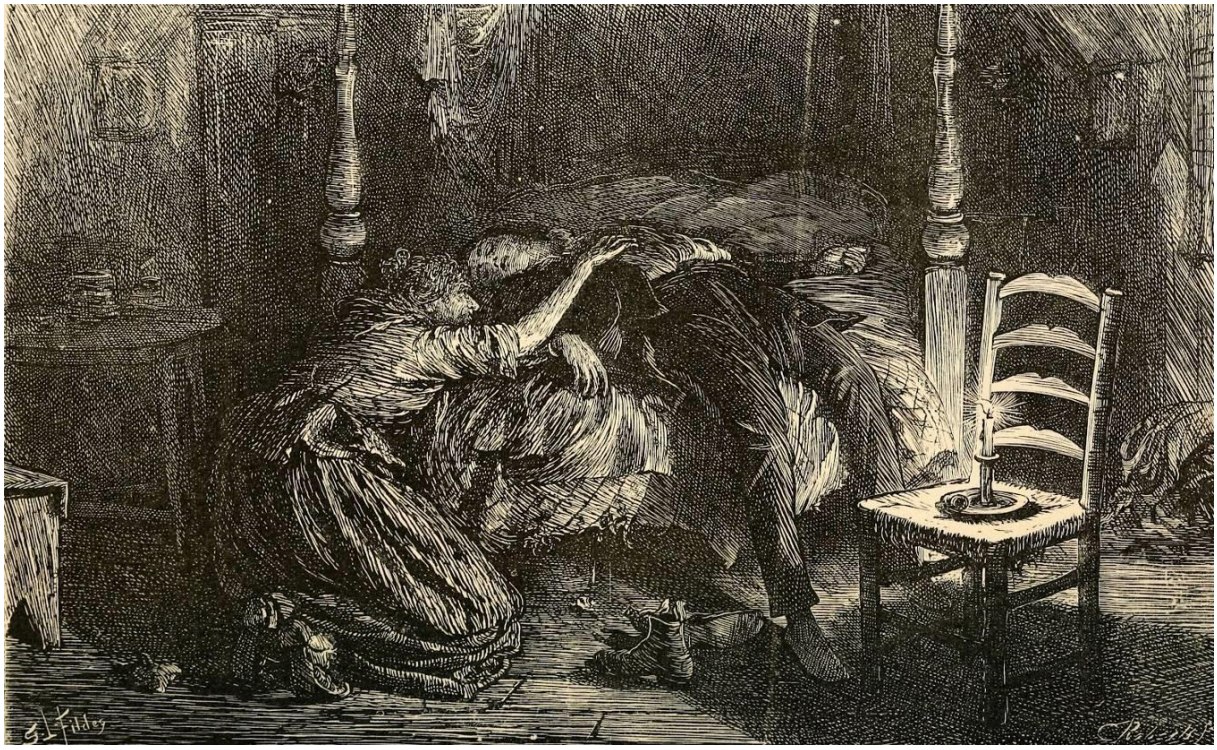

Джон Джаспер и Роза Буттон (илл. С.Л.Филдса)

С некоторых пор Джаспера начала преследовать и днем, и ночью «грозная прозрачная Тень», «неосязаемое *Что-то*», олицетворявшее Высшую силу и защищавшее маленькую Бесси. «Что это делает теперь возле ребенка грозное *Что-то*! – вопрошает он. – Как может *Оно* разрастаться до таких размеров, что способно медленно и тщательно как бы окутывать умирающую девочку с ног до головы своей прозрачной, тенистой формой и все-таки не отымать с лица его пристального огненного взгляда, пронзающего его насквозь из невидимых глаз?» Мощная энергетика этой Силы начинает «выжигать» из сознания регента все его преступные намерения. Он чувствует «будто бы растопленное олово обращается в жилах его вместо крови, а мозг начинает двигаться и гореть». В итоге «кровь его превращается в кипящий источник, брызгая из скалы, в которую он превратился сам. Огненные волны продолжают подыматься все выше и выше, зажигая мозг его, пока, наконец, они не пережигают его до самого основания!.. Кровь в жилах брызжет с удвоенной теперь силой, заливая кипящими огненными волнами своими шевелящийся и как бы трепещущий мозг... Фонтан брызгает на мозг, обливая его целым океаном огня». Сознание регента не может справиться с высокими вибрациями этой энергетики, и он сходит с ума.

«…С этой минуты Джон Джаспер осужден до последней минуты жизни быть бешеным сумасшедшим! С руками, все еще вцепившимися в голову, безумный летит, как молния, через улицы и переулки, отгоняя от себя что-то и воя, как дикий зверь. Целые толпы бегут за ним, но он далеко перегоняет их, и нечеловеческие вопли, испускаемые им безостановочно, приводят в смятение и страх целый город... Вот мелькнул он вдали, исчез, вот снова показался и, ударясь со всего размаха о каменный столб, падает на землю, весь облитый черной горячей кровью, которая дымится возле него на мерзлом дерне и застывает. <…> Двое сильных мужчин приподняли несчастного Джаспера и, прислонив в сидячем положении к столбу, поддерживают ему голову. <…> Но Джаспер пришел в чувство, и требуется неимоверных усилий со стороны полудюжины здоровых работников, чтобы сладить с бешеным. Но они успевают, наконец, одолеть его и, связав толстыми веревками руки и ноги, переносят в дом. Через несколько минут является доктор, за которым кто-то успел сбегать; осмотрев внимательно безумствующего регента, доктор многозначительно качает головою и советует тотчас же предупредить власти, чтобы поскорее перевезти его в дом умалишенных, оповестив предварительно о случившемся друзей его или

родственников. <…> “Оставьте меня! – рычит отбивающийся лунатик. – Я хочу вырвать душу его [Эдвина Друда] и отправиться вместе с нею в ад! Посмотрите, как он смотрит на меня, глаза его прожигают мне сердце! Прочь! Прочь! Земные черви! Я царь преисподней!.. Отгоните! Отгоните белое видение!.. Туманные руки душат меня. О! Поздно!.. Поздно!” – хрипит несчастный, одолеваемый дюжиною сдерживающих его людей. Лицо, искаженное бешенством, лицо, на котором лежит печать кары Господней, синеет и падает с глухим треском на пол». Таков Божий суд за гордыню, жестокость и безверие.

Джон Джаспер в наркотическом забытьи (илл. С.Л.Филдса)

Противостоит беззаконнику Джасперу «чистый и невинный» ребенок, его дочь Бесси, с «большими голубыми глазами», с «необыкновенной понятливостью и умственным развитием» – воплощенный луч Божественной любви. У нее была связь с Иным миром через *яркие сны*, в которых она разговаривала со своей так рано умершей мамой. «Днем и ночью, – говорит Бесси, – я вижу над собой лицо, такое грустное и скучное, и знаю я, что это мама моя, хоть лица ее не помню живым. И так меня тянет к ней, так хочется мне улететь с ней, что кажется, не буду я никогда веселей, пока оно не сбудется». Недолго проживет девочка на земле, отправившись на встречу с горячо любимой мамой в небесных садах. Часто находили ее «сидящей тихо на садовой скамейке; держа в худой маленькой ручке своей цветы, Бесси так пристально смотрит на них, что можно подумать она прислушивается к тайному, слышанному ею одной лепету растений этих, которые, исповедуя ребенку чистые мысли свои, рассказывают ей о других цветах, цветущих в далекой прекрасной стране духов, где никогда они не блекнут и не умирают».

В одном из снов мама предупреждает Бесси о Джаспере. «Я гуляла в таком прекрасном большом саду, – рассказывает эта странная девочка о видении своему ужасному отцу, – где были такие чудесные деревья и цветы, и со мною гуляла моя дорогая мама. Я бегала и рвала цветы и плела их в веночки для мамы, которая целовала меня и называла своей доброй, милой девочкой! Вот гуляем мы и доходим до одного большого дерева, и на нем висят такие чудесные спелые ягоды, что так и хотелось их попробовать. Вот я и говорю маме: “Мама, давай нарвем этих красных, красивых ягодок!” А она смотрит на меня так печально и грустно, а сама плачет... и идет к дереву; только что она сорвала две-три ягоды, как вдруг дерево разломилось на две части и из него вышел такой страшный человек, лица его я не помнила, но глаза у него были точь-в-точь такие, как ваши... такие же черные, блестящие, злые глаза, и он, схватив маму, потащил ее прямо в это дерево, которое замкнулось за ними, и мама моя пропала! Я стала кричать и звать ее, и вдруг

слышу ее голос из дерева, да такой слабый да печальный: “Дитя, никогда не желай, – говорил он, – таких красивых ягод... Вот видишь ли, я погналась за ними, нарвала, а теперь и наказана за то”. Тут я проснулась и стала кричать и плакать, но сна не забыла».

Одной из ключевых сцен в романе является свидание Бесси с Джаспером на Рождество. Мама повелела ей не умирать, прежде чем она не увидится с отцом. При встрече дитя «медленно поднимает на него свои голубые, полные кротости глаза и тихо произносит: “Я должна была видеть вас; так хотела мать, дорогая моя мать, которая приходит ко мне каждый день во сне, и она велела мне сказать вам, что когда я умру и буду с ней, то стану всегда молить Бога, чтобы простил Он вам и сделал бы вас менее злым… Когда унесут меня Божьи ангелы на небо, я стану молиться там за вас и стану просить и маму, чтобы и она молилась за вас также. Не знаю отчего, но хотя вы всегда ненавидели меня, я же чувствую, что люблю вас и жалею вас, – может потому, что вы отец мой!.. Неужели не чувствуете вы хоть одну, только одну крошечку любви к моей бедной умершей маме? Я знаю, как любила она вас! Кому лучше знать это, как не мне, которой так много рассказывала она про вас во снах моих; разве не видала я каждую ночь в лице ее столько горести... О, как много горя! Но все-таки, говоря про вас, я видела и знала, что она любит вас и прощает». Любовь Бесси и ее мамы спасает Джаспера. После смерти ангел с золотым лицом уводит «уставшую маленькую девочку с собой».

Через многие испытания и страдания прошли герои романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда». Это неизбежно, такова судьба несовершенного людского племени. «О! Когда прозрит, наконец, род человеческий? – восклицает автор книги. – Когда освободится он от этой мучительной, добровольно принятой на себя слепоты? То знает только Тот, для Кого ничего нет скрытого в будущем! Но он недалек тот день. Мы это чувствуем – когда *смерть* переменит свое мрачное имя на земле на *возрождение* в стране свободы и чистой любви, а рождение на земной планете назовется *временной неволей* и станет встречаемо со слезами и сожалением!»

А.Д.Тюриков